

Житейские истории

Доктор Нонна
Завидные женихи

«ЭКСМО»

2011

Нонна Д.

Завидные женихи / Д. Нонна — «Эксмо», 2011 — (Житейские истории)

«Перевелись настоящие мужики!». Такие реплики часто можно слышать из уст женщин, обиженных судьбой. «Не перевелись, – хочется ответить им, – просто вам не встретились!» Рите, Идочке и Лере повезло: женихи достались отменные. Но чтобы семья оказалась счастливой, важна не только встреча с хорошим человеком. Рита не сумела разделить со своим мужем тяжести испытаний, посланных судьбой: устранилась от борьбы за жизнь больной дочери. Иде не хватило мудрости в строительстве брака с Гришей. А Лера натворила такое, что перевернуло жизнь многих.

Содержание

Знакомство	7
Выпили...	11
Трепанги	13
Колбаса	15
Армия	17
Разъезд	18
Владимир	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Доктор Нонна

Завидные женихи

Любовь и изжога – одно и то же!

Только любовь не лечится.

М. Шнеерсон

Давняя дружба троих друзей началась в семидесятых годах двадцатого столетия в военном городке под Владивостоком. И было тогда Грише, Володе и Саше по двенадцать лет.

Жилищный вопрос в военном гарнизоне решался просто: приезжают молодые одинокие лейтенанты по месту службы – их распределяют в общагу и поселяют в комнату на две персоны. Если лейтенант приехал с семьей или пошел на повышение, то предоставляют отдельную комнату того же общежития. Однокомнатная квартира в холодной и сырой «хрущобе» полагалась либо прапорщикам, бессменно служащим в гарнизоне больше десяти лет, либо старшим офицерам. При очередной смене офицерского состава в подъезде одного из гарнизонных домов, ближайшем к Японскому морю и оттого наиболее холодном, оказалось три семейства.

Гришкина семья жила в этом доме уже седьмой год. Его отцу майору Сергею Ивановичу Степанцову не удавалось получить более комфортабельное жилье, как ни мечтала об этом его супруга Мария Леонидовна. Просто папаше было не до бытовых трудностей – он привык думать о вечном и возвышенном. Наедине с лучшими друзьями – граненым стаканом и бутылкой беленькой. Жена майора, бабенка, удивительно похожая на курицу – с маленькой головкой, словно прикрепленной к тучному телу худой и дряблой шеей, с пустыми, быстро бегающими глазками, близко поставленными к переносице, – с завидным упорством не желала признавать в муже алкоголика и постоянно закатывала скандалы. Припоминая в очередной ссоре все промахи и грешки, что велись за мужем с момента их знакомства, она, как хохлатка, клевала его и клевала. Гришка, привыкший к семейным разборкам, обычно прятался на чердаке, где соорудил себе штаб. Тихой сапой из ржавых кроватей он сделал стены, из двух чемоданов – диван, стол ему заменила катушка от кабеля. Старое солдатское одеяло было расстелено на столе подобно скатерти.

Семья Володи Михайлова переехала в дом совсем недавно. Отец мальчика, капитан-связист, привез семью из Омска. Жилищные условия там были столь ужасны, что, зайдя в холодную, сырую, заросшую грибком квартиру, Володька прыгал от счастья, что жить ему можно в отдельной от родителей комнате и пользоваться не общественной – на девять семей – уборной. Отец – Олег Васильевич – тут же отправился в туалет. А Володькина мама – Галина Моисеевна, женщина величавая, с высокой прической из жгуче-черных волос и низким грудным голосом, – прошествовала на кухню, где недовольно скривила губы: тараканы от ее появления брызнули во все стороны. Из-за стен было слышно, чем занимаются соседи. Из-под тонких щербатых дверей доносились чужие запахи. Галина Моисеевна устало присела на табурет, но тут же поднялась, потому что услышала, чем занимается ее муж, сидя на унитазе. Легко снеся с петель дверь, она вошла в тесное для нее помещение, выдрала из правой руки муженька бутылку водки, а из левой – классический граненый стакан. Предчувствуя, чем сейчас закончится семейная разборка, и заранее жалея отца, Володька выскочил во двор в поисках турника или боксерской груши. Он всегда, когда не хотел наблюдать за скандалами родителей, сбегал сжигать адреналин на солдатскую спортивную площадку. Комплекцией парень был в маму – высокий и мощный, в отличие от субтильного отца.

А Сашку Бочкина родители «выписали» из Москвы. Все каникулы он проводил у своей бабушки Ольги Юрьевны в Первопрестольной. Константин Евгеньевич и Елена Станиславовна считали, что сыну и для здоровья полезнее более сухой климат средней полосы, и для развития

лучше культурная среда столицы. Свою тещу, полковника полевой хирургии госпиталя имени Бурденко, Константин Евгеньевич побаивался. Все-таки он всего лишь майор медицинских войск! Поэтому не перечил, когда бабка оставляла на одну-две четверти Сашку при себе. Но периодически ворчал, что его сыну негоже получать «старушечье» образование. Когда Сашка стал подростком, Константин Евгеньевич решил, что мальчику необходима твердая отцовская рука, и решился воспротивиться власти Ольги Юрьевны.

– У вас в городах сейчас по тридцать пять человек в классе, а у нас по семь-восемь. Каждого ученика спрашивают ежедневно на всех уроках, и вообще дети в гарнизоне постоянно на глазах.

Елена Станиславовна поддерживала мужа. Обиженная с детства на невнимание вечно занятой матери, она полностью погрузилась в свою любовь к супругу, и муж стал для нее центром мира. Сашку мать тоже любила, но как-то по обязанности...

Знакомство

По пятницам мать Гриши пекла пироги. Это была самая экономная еда, разнообразившая рацион офицерской столовой. В тот день суетливая Мария Леонидовна, помимо большого, на весь противень, пирога, испекла двадцать пирожков. Начинкой стала любимая во Владике рыба нерка. Лососевый аромат пирожков перебивал все другие запахи и делал уютнее скучный быт обитателей подъезда.

Гришка сидел тут же, на кухне. Он дочистил картошку и посматривал на мать. Дождавшись, когда она переложит пирожки на большую тарелку, мальчишка вскочил и покидал их штук пять в приготовленный газетный кулек.

– Ма, я на улицу, насчет удочек пойду договорюсь.

– Катись куда хочешь, – прокудахтала мать. – Два горе-мужика. Никакого с вас толку! Что отец ни доску, ни пакет крупы в дом не принесет, хотя заведует складами, что ты – никакой стоящей рыбешки не притащишь.

Не обращая внимания на вечно недовольную мать, Гришка выскочил из квартиры на лестничную клетку и полез по железной лестнице на чердак. Упитанному мальчугану она была узка, поэтому он вымазался в побелке.

В августе, казалось бы, должно быть еще тепло, тем более во Владивостоке, расположенном на одной параллели с Сочи, Торонто, Ниццей и Сухуми, ан нет, с Японского моря постоянно дул холодный ветер, а с неба сочился нудный дождик. Настроение от этого не улучшалось. По радио «Маяк» передавали то бравурные патриотические песни, то классическую музыку. И это однообразие усиливало тоску Сашки. В квартире Бочкиных от духоты запотели окна: мать шпатлевала стены третьим слоем. Было душно и першило в горле. Сашка провел рукой по окну и посмотрел сквозь образовавшийся подтек на промокших солдат, занимающихся на дальнем плацу строевой подготовкой. И тут взгляд его привлек долговязый паренек, крутящий «солнышко» на дворовом турнике. Саша открыл форточку. Тут же в кухню влетела мать.

– Сашок, да что же ты делаешь? На улице такая мокрень, а ты окно открываешь – штукатурка кусками посыплется!

– Ма-а, – сын поправил очки на переносице. – Пойду я воздухом подышу. А то голова кружится.

– Правильно, – легко согласилась Елена. – Иди, подтянись пару раз на турнике, а то уткнешься в свои книжки и света белого не видишь.

Через пять минут Сашка стоял на спортивной площадке и не то с легкой завистью, не то с пренебрежением смотрел, как парень на голову его выше и шире в плечах ловко подтягивался и нарочно напрягал мускулы.

Соскочив на землю, мальчишка с сочувствием посмотрел на Сашку. Тот мог достать до перекладины только в прыжке.

– Помочь?

– Не надо. – Сашка обиженно отвернулся. – Меня отец тренирует, когда свободен.

– А чего же ты тут делаешь? – с подколкой спросил Володя. – По грибы собрался?

Незнакомый парень говорил надменно, и Сашка отвернулся.

– Не смешно.

Развернувшись, Сашка пошел к дому. Нюхать сырую штукатурку не хотелось, и он размышлял, чего бы такого придумать интересного. И тут, подняв глаза, он увидел в чердачном окошке, похожем на амбразуру, тусклый огонек электрической лампочки.

«Если лампочка горит в том месте, где им вообще гореть не положено, значит, там есть помещение, где сидит человек, – логически рассудил он. – И я никогда не был на чердаке. Мой папа – майор, и меня ругать не будут», – сам себя настроил мальчишка и двинулся вперед.

Проследив за взглядом мелкого очкастого пацана, Володька увидел на чердаке своего подъезда свет.

– О! Там кто-то обитает, а я не знаю? – У Володьки проснулся исследовательский интерес. – Надо туда залезть и поглядеть.

Второй раз Сашка и Володька встретились у узкой железной лестницы, поднимающейся с пятого этажа на чердак. Карабкающийся по ней пацанчик в очках на переносице смотрелся комично, и подошедший здоровяк Володька хмыкнул, подтолкнув Сашку под попу.

– Лезешь? Давай-давай. А куда?

Зацепившись руками за верхние ступени и балансируя ногами на нижних, Сашка попытался принять героическую позу. При этом говорил громко и отчетливо.

– Меня заинтересовала единственная лампочка на всех чердаках здешних пятиэтажек. Я хочу посмотреть и сделать выводы.

– Здешних? Ну и словечко. Ты че, такой грамотный, заморыш?

– Я не заморыш. Просто невысокий и не такой физически сильный, как ты. Но я вырасту.

Забравшись обезьянкой на чердак, Сашка захлопнул под собой люк-дверцу и сверху задвинул на нее лежащую рядом автомобильную крышку.

Жующий свой пирожок и читающий старый журнал Гришка с интересом наблюдал за копошением мелкого пацана.

Для утяжеления веса Сашка сел на крышку и целую минуту подпрыгивал на ней, пытаясь сдержать силушку стремящегося наверх Володьки.

Последний тычок сильного подростка заставил Сашку отлететь в сторону и грохнуться об пол, застеленный старым рубероидом, ватными одеялами и медицинской клеенкой.

– Слышь, заморыш! – ревел Вовка, по пояс появившийся в квадрате входа. – Я щас тебе глаз на жопу натяну!

– Выбирай выражения, придурок! – кричал Сашка, кидая в Вовку то обрывок клеенки, то дырявый валенок. – Накачал мышцы и, думаешь, умным стал?

Володька выскочил на чердак чертом из табакерки.

– Сам дурак, мелочь очкастая!

– Ой, я так испугался! – Швырнув изношенный солдатский сапог в Володьку, Сашка отполз в сторону стоящих на боку каркасов старых кроватей.

Вовка нащупал под рукой ножку от старого стула.

– Я щас тебе устрою, москвич недоделанный. Думаешь, не знаем, откуда тебя мамка с папкой с поезда встречали?

– А ты, а ты... – Сашка задохнулся от возмущения. – Ты – «сила есть, ума не надо».

– Я «ума не надо»? – Вовка отряхнул свои брюки от пыли. – Слышь, ты, очкарик, в попе шарик, я не дурак, я лучше всех в своем классе учусь!

– А это мы еще посмотрим, кто лучше учится! – дал петуха Сашка.

Сидя на своем диване из чемоданов, Гриша отложил ставший неинтересным журнал и принялся разглядывать двоих новых соседей.

– Ребята, а хотите пирожков с неркой?

– Чего? – отвлекся от созерцания «врага» Володька. – Очень жрать хочу.

– Я тоже, – пропищал Сашка. – А то мама все ремонтом занимается, про обед забыла, в столовую гонит. А там совсем не вкусно.

– Зажралися, – высказал свое мнение словами матери Володька. – Где там твои пирожки, пирожок толстый?

Широким шагом Володька подошел к столу, освещенному нависающей над ним лампочкой. На газетке лежали четыре пирожка. Взяв один, парень откусил и закатил глаза, показывая удовольствие.

– Вкуснота-то какая! – Он протянул руку «Пирожку». – Владимир.

– Гриша. – Мальчишка приподнялся и пожал руку. – А ты кто? – обратился он к хилому пацаненку в очках.

Поднявшийся с пола Сашка подошел и сначала протянул руку для знакомства, а потом за пирожком.

– Александр. Саша Бочкин. Гриша, а чем тут ребята по вечерам занимаются?

– Как чем? – удивился Гриша и кивнул в сторону тусклого окошка. – Осенью рыбу ловим, зимой на коньках катаемся и в кружках занимаемся. Выпиливаем, выжигаем, в теплицах рыбкомбината помогаем. Но там работы мало, там свои, комбинатовские, рулят и нас, гарнизонных, гоняют.

– Это мы еще посмотрим. – пробурчал Вовка. – А как же тут рыбу ловить? Не речка, на бережку не отсидишься.

– С пирса, ребята, с заброшенного пирса. Завтра океан будет спокойней, и все пойдут туда. Только нужно напяхтериться теплее и корзину для рыбы взять. А главное, тута удочки нужно наращивать, я свои к палкам от швабры привязываю и проволокой прикручиваю. Завтра научу.

– Нелогично. – Жадно жуя пирожок, Саша поправил очки. – Очень вкусно. Нелогично. Если рядом есть рыбсовхоз, значит, есть недорогая рыба. Зачем ловить свою?

Гришка и Вовка уставились на Сашку.

– Ты чего, рыбачить не любишь или лишние деньги в кармане водятся? – с напряжением в голосе поинтересовался Вовка.

– Я... – Сашка покраснел. – Никогда рыбу не ловил. А завтра обязательно? А то у меня удочек нет.

– Завтра обязательно, – сурово сказал Гришка. – Каждый день на учете. А удочку мы тебе спворим. У батяни их аж пять штук.

– А нам прежние хозяева эти удочки-переростки оставили. Три штуки на балконе торчат. – Не замечая несправедливости со своей стороны, Володя взял еще один пирожок с газеты. – Только чего спешить? Рыба, она завсегда там и никуда не денется.

– Нет, Вовка. – Григорий взял последний пирожок, разломил и протянул половину Сашке. – Это она сейчас тама, а через два месяца море встанет, и никакой свежей рыбы ты до весны не споймаешь.

– Как это «встанет»? – не понял Володя.

– Замерзнет, – пояснил Сашка. – Климат здесь муссонный, Амурские и Курильские заливы во льду с ноября по апрель. Я специально в учебнике по географии посмотрел. Хотя город стоит гораздо южнее Москвы и Ленинграда, примерно на параллели с Флоренцией.

Гриша и Володька уставились на Сашку с уважением.

Так трое ребят, разные по комплекции, по уровню образования и отношению к жизни, стали друзьями. Они учились в одном классе, вместе удили рыбу и дрались с ребятами из поселка Рыбсовхоза.

Семь друзей разительно отличались друг от друга. Если в квартире майора медицинской службы Бочкина было тепло и уютно, то в бетонных клетках капитана Михайлова, отца Володьки, и майора Степанцова ветер зимой проникал сквозь хлипкие, неутепленные стены и температура дома была не выше плюс шестнадцати, даже с обогревателем.

Во всех квартирах гарнизона, без исключения, зимою женщины завешивали окна в детских комнатах ватными одеялами, и детям казалось, что растут они в шалаше.

Учителя в школе не могли нарадоваться на троих друзей – они учились лучше всех. Сашка, самый худенький мальчик в классе, с голубыми добрыми глазами, прятавшимися за стеклами круглых очочков, с русыми вьющимися волосами, был похож на ангелочка, но обладал железным характером. Друзья, для начала поспорив, всегда делали так, как он советовал. Володя, здоровый, крепкий паренек, был физически самым сильным. Черноглазый брюнет, он был мечтою всех девчонок в классе. В драках он всегда побеждал, защищая своих корешей. А Гриша, веселый кудрявый увалень, стал душой компании. Он всегда смеялся, придумывал игры и подколки. Еще он очень любил поесть и в школу брал пирожки. Иногда друзья съедали их прямо по дороге, не снимая vareжек, которые полностью пропитывались подсолнечным маслом.

Выпили...

Закрепил дружбу ребят неприятный случай. Им было по тринадцать лет, когда пацаны решили попробовать выпить.

Гарнизон, как и вся страна, отмечая Новый год, начал гулять еще тридцатого декабря. Тридцать первого женщины разобрали своих офицеров по домам и готовили праздничные ужины.

Праздновали шумно: ходили друг к другу в гости, запускали вместо петард сигнальные ракеты, закидывали в подъезды дымовые шашки.

Первого января все поголовно спали либо в своих постелях, либо на ковриках в прихожих у друзей. Женщины вяло занимались хозяйством: перемывали посуду, выносили горы пустых бутылок на помойку. Мужья им были не подмога. Повезло только военврачу Бочкину: к нему на Новый год прилетела теща Ольга Юрьевна. Она-то и помогала дочери по хозяйству.

Три пацана маялись бездельем и завидовали взрослым. Сидя в военных телогрейках на чердаке, они допивали початую бутылку «плодово-выгодного» вина за тридцать две копейки.

Окошки на чердаке они забили фанерой и цветастыми платками, люки утеплили старыми одеялами, но все равно было холодно. Ледяной ветер с моря выл, проникая в щели, стены покрывались инеем. Ребята сидели в валенках и грели стаканы через рукавицы.

– Папа спрятал на кухне бутылку водки, – поделился Сашка.

– А у нас все попили, – невесело сверкнул черными очами Вовка. – Отец ушел к твоим, Сашок, и мать стесняется за ним идти.

– Мои опять поругались, и мама выгнала отца. Батя у тебя, Сашка, я видел, спит. – Гришаня допил стакан с бормотухой. – Гадость какая!

– Да, невкусно. Поэтому предлагаю попробовать что покрепче. – Саша засунул руку внутрь своего ватника, великоватому ему на десять размеров, и выставил на стол бутылку. – Я ее украл. Скорее всего, папа о ней забыл. Будем?

– Немедля! – Пока друзья не передумали, Гриша перехватил бутылку, свернул пробку и разлил всем по полстакана.

Последствия проявились через пять минут и были печальными: Сашка потерял сознание, Гришку скрючило и затрясло судорогами, Володю вывернуло наизнанку. Сидя на самодельном диване, держась за живот, боль в котором продолжала нарастать, он понял, что, если сейчас не придумает, как оказать помощь друзьям, они останутся здесь навсегда, замерзнув.

Шатаясь, Вовка спустился на третий этаж и, ввалившись в незапертую квартиру Бочкиных, упал на колени в прихожей. На шум выбежала Ольга Юрьевна.

– Там ребята... на чердаке... загибаются... помогите...

И парень потерял сознание.

Медик от бога, Ольга Юрьевна не потеряла ни секунды. Первым делом она набрала в ковшик холодной воды и окатила ею спящих дочь и зятя, а также двоих его друзей – отцов Гриши и Володи. Полковник медицины скомандовала:

– Дети умирают, мужики! Приходите в себя! – И поспешила на кухню, где развела в ведре с водой марганцовку.

Первой вскочила Лена, растормошила мужа и нахлопала по щекам остальным папашам.

Ольга Юрьевна в это время приводила в себя Вовку, заставляя его пить воду с тремя каплями нашатыря на стакан. Вовку выворачивало прямо на линолеум.

– Мальчик, милый, – нервно обращалась к Володе военврач, – ты скажи, чего такого вы пили? От чего спасать?

– Водки... – Володю продолжало рвать. – Сашок нашел у Константина Евгеньевича бутылку водки, мы выпили...

Теща посмотрела на подошедшего зятя так, что ему захотелось провалиться. Треклятая бутылка была принесена из солдатской казармы, где позавчера было зафиксировано отравление четырех бойцов. Солдаты признались, что с рук купили три бутылки водки для празднования Нового года. Но не утерпели – выпили две бутылки на четверых тридцатого. Завидующий им сослуживец заглянул в каптерку в надежде присоединиться к питию, но нашел не веселое застолье, а корчащихся от рвоты бойцов. Он тут же позвонил в медпункт.

Бутылку, как доказательство «паленого» производства, майор Бочкин забрал на экспертизу. Когда он принес ее домой, теща выразила неудовольствие.

– Не стоит держать в доме эту гадость. Надо было оставить в части.

– Так найдут, Ольга Юрьевна. – Константин Евгеньевич поставил бутылку в кухонный шкаф. – Найдут и выпьют. Не удержатся. Я спирт подкрашиваю марганцовкой, бутылку ставлю в холодильник к другим медикаментам на самое видное место, и то эту гадость отливают и разбавляют. А тут бутылка! Да на ней хоть «яд» напиши, все равно к утру будет наполовину разбавленной.

– Отцы, бегите детей спасать! Ленка, оденься теплее, возьми побольше тряпок полы от блевотины замывать. Костя, прихвати ведро с водой, я его на чердак не втащу.

Парней Ольга Юрьевна спасла, отпоила своим фирменным похмельным «коктейлем» прямо там, на чердаке.

Папаши разобрали сыновей по домам и даже не наказывали, понимая, насколько тем плохо.

Утром у мальчишек болела голова. Галина Моисеевна и Мария Леонидовна то и дело бегали к Ольге Юрьевне за советами, как вывести из запоя мужей и привести в чувство мучающихся сыновей.

Хуже всех было нежному Саше.

– Бабуль, у меня внутри все горит, – жалобно плакал мальчик.

– Это, мой дорогой, изжога. Некачественный спирт сжег слизистую желудочно-кишечного тракта. Выделяется кислота, как реакция... – бабушка увлеклась лекцией, отпаивая парня крепким бульоном.

Болели ребята целую неделю. Питались только травяными отварами и мясными бульонами. Так что те зимние каникулы мальчики запомнили на всю жизнь.

После этого случая, когда у ребят были какие-то неприятности, в ответ на вопрос: «Как дела?» – всегда звучало: «Сплошная изжога!» Это выражение стало паролем.

Трепанги

Случай с ловлей трепангов наделал много шума в гарнизоне. Нежное мясо медлительных животных, называемых здесь «морскими огурцами», ценили все. Похожие на огромных рогатых гусениц трепанги медленно передвигались меж камней бухты Золотого Рога. Ловить этих морских кубышек было очень легко. Главное, найти место их скопления, а после только нырять да собирать в корзину.

Охотились за ними не коллективом, как бывало при рыбалке, а по два-три человека, чтобы не было конкуренции.

В тот день мать отправила Гришку в очередь за сахаром, и он простоял в магазине до самого вечера. Поэтому за трепангами Вовка и Сашок отправились вдвоем. Долго плыли между островами, проверяя все прошлые места, где ползали «гусеницы». Искали долго, но все-таки нашли сборище морских животных. Сашка плавал плохо, и вся надежда была на Вовку, который мог нырять глубоко и долго обходиться без воздуха.

Понимая, насколько друг физически силен, Сашка все же настоял, чтобы Володька обвязался веревкой, сам он тоже всегда страховался.

Островочек, около которого пришвартовали лодку, одолженную со склада Гришкиного отца, отличался «дырявостью». Суши как таковой не было: из моря торчали скалы от полуметра до трех, на них росли редкая трава и деревья, непонятно как прицепившиеся к каменным породам.

После десятка нырков, когда сбилось дыхание и начала кружиться голова, ребята решили немного передохнуть. Сашка переключал трепангов со дна лодки в корзины, а Вовка лег на воду рядом с лодкой и, не шевелясь, наслаждался солнцем.

Мальчишки не обратили внимания на легкое волнение моря, на усиливающийся ветер. Небольшая сосенка, из последних сил держащаяся за верхушку скалы, от очередного порыва ветра потеряла последние силы, и ее корни оторвались. Падая в море, деревце сбilo несколько камней, и они покатались вниз, прямо на Володю. Захлебываясь, Володя попытался выплыть, но пришла высокая волна, полностью накрыла парня, и он стал тонуть.

От ужаса Сашка сначала растерялся, а затем стал тянуть за страховочную веревку, наматывая ее на ключину весла. Вовку удалось вытащить из потемневшей воды, но он был без сознания.

Спрыгнув за борт, Сашка напрягся и подтащил друга к лодке. Труднее всего оказалось перевалить тело Вовки за борт утлой посуды. Хлипкому парнишке это все-таки удалось, пусть и с третьего раза. При этом он ободрался о камни, поранил локоть правой руки. Минут пять он, не обращая внимания на кровь, сочащуюся из ран, приводил в себя Вовку, и тот наконец отрыгнул воду. Он долго рассматривал свой оцарапанный живот, потом в молчании перевел свой взгляд на разводы грязи и крови на Сашке.

– Не понял, как это меня угораздило?

– Камень тебя по башке шарахнул. – Сашка тер больную руку. – Грести будешь сам, я не смогу. Ну и здоровый же ты, я все жилы себе вытянул, пока тебя втащил в лодку.

Мама Володи, узнав о происшедшем, зашла в медсанчасть, застала там пьющую чай Елену Станиславовну и всучила ей французские духи.

– Это тебе, Лена, за Сашку! Хорошего парня воспитала.

– Не поняла. – Лена автоматически взяла в руки подаренную коробочку. – А что случилось?

В этот момент открылась дверь, и Володя подтолкнул через порог своего спасителя. Сашка держался за перебинтованный Галиной Моисеевной локоть – кровь не унималась. Елена

Станиславовна от неожиданности закричала: «Костя, Костя, беги скорее! Наш сын заливается кровью!» Отец тут же появился в пролете соседней двери. Быстро обработал раны и стал накладывать повязку.

Пять килограммов выловленных трепангов три семьи ели всю неделю. А о мужестве мелкого Сашки говорили целый год. Володька тогда поклялся, что всю жизнь будет помнить о самоотверженном поступке друга. И если у него когда-нибудь родится сын, то он обязательно назовет его в честь своего спасителя.

Колбаса

Из семей троих друзей семья Гришки была самая бедная. Отец пил не просыхая, чаще не дома, а в одном из своих складов. В армии, как ни странно, Сергея Ивановича Степанцова терпели. К работе он относился ревностно, обеспечивая военную часть формой и продуктами. Практически не воровал. Если не хватало на выпивку, тащил что-нибудь из дома или кланчил спирт у Константина Бочкина, который почти никогда не отказывал соседу, ценя в нем честность и оперативность в решении бытовых проблем медсанчасти гарнизона.

Одетый в отцовские обноски, Гришка стыдился приходить на дни рождения или «огоньки» в школе, где приходилось раздеваться. У многих старшеклассников уже имелись костюмы и даже модные свитера и джинсы.

А еще Гришка обожал сырокопченую колбасу. Ему, родившемуся во Владивостоке, набили оскомину рыба, икра и даже крабы. Колбасу парень попробовал случайно, на дне рождения у отца Сашки.

Однажды Гришке мать поручила доставить запившего отца домой со склада. Паренек зашел в складское помещение и неожиданно унюхал копченую колбасу. Этого дефицитного продукта было несколько сортов, но слюни у парня потекли только от сырокопченой. В коробке оказалось двадцать тонких сухих темных батонов с выпуклыми жиринками. Аромат перебил угрызения совести Гриши, и он решил не беспокоить отца, а прихватить с собою десять колбасных палок.

Первый батон Гришка съел тут же, откусывая крепкими зубами жесткое мясо, и почти урчал от удовольствия. Мысль о том, чтобы положить остальную колбасу обратно, спугнул кто-то вошедший на склад. Зная, где второй выход, Гриша быстренько убежал к себе, на чердак.

Там его и нашел Володя. Первым делом он надкусил колбасу, затем достал из-за пазухи полбатона белого хлеба и половину отломил для Гришки.

– Откуда богатство? – жуя, поинтересовался он.

– Спер, – кратко объяснил Гриша. – Теперь переживаю.

– Пережевываю, – засмеялся Володя. – На тряпки менять будешь или сам сожрешь?

– Не, все не осилю! На тряпки. Джинсы хочу и кожаную жилетку.

– Это я могу устроить, – обнадежил Вовка. – У отца тетка Шура недавно из-за границы получила посылку и распродает. А где Сашок?

– На факультативе, язык зубрит. Не то немецкий, не то английский.

– Молодца. Ты ему полбатона оставь.

– Обязательно.

Через день Гришка шеголял по поселку в джинсах и свитере, на жилетку денег не хватило. Увидев на друге модную одежду, Сашок побледнел.

– Откуда?

Краснея и заикаясь, Гришка и Володя честно рассказали о «гешефте».

– Но никто ничего не узнает, – наивно заверил Володька.

– Идиоты. Гришка, тебе жизнь надоела?

Их разговор прервал тихо подошедший Сергей Иванович. Подхватив сына, он стащил его по лестнице и пинками погнал до квартиры. Обновки испачкались о побелку.

Жили Степанцовы на первом этаже, и Сашка с Володей, немного подождав, спустились с чердака вниз.

Из-за двери доносились глухие удары, стоны Гришки и причитания отца:

– Чтобы я хоть валенок со склада украл! Опозорил на весь гарнизон! Тебя убить надо!

– Он его точно убьет, – прошептал Сашка в сторону Володьки. – Значит, так, беги к своему отцу на пункт связи и уговаривай тетку Шуру сменить свои показания. Отцу я сейчас позвоню сам, вызову его или маму и сразу буду ломиться к Степанцовым.

Гришку они спасли, оттащили от пьяного отца. У парня оказались сломанными два ребра, по лицу и голове были множественные гематомы, вывихнуто правое плечо и отбита задница. Если бы не действия родителей Сашки и Володи, пьяный капитан вполне мог забить пацана до смерти.

Мария Леонидовна выгнала мужа жить в казарму. Она никак не могла понять, что же стало причиной свирепости мужа. Несколько раз спрашивала друзей, из-за чего чуть не был убит Гришка.

– Значит, так, – вдохновенно врал Сашка, как всегда продумав все детали оправдательной речи. – На складе у Сергея Ивановича пропала сырокопченая колбаса. А мне как раз на прошлой неделе бабушка прислали из Москвы посылку с одеждой. Мне джинсы велики на три размера, как раз на Гришку, я ему и подарил. У него ведь через неделю день рождения? Да, Мария Леонидовна? – Дождавшись кивка женщины, Сашок продолжил: – А сотрудница отца Володьки, тетя Шура, привезла свитера. Володя взял себе один, он деньги с завтраков копил. А свитер оказался ему мал. Он тоже подарил его Гришке. На день рождения.

Мало разбирающаяся в фирмах и лейблах, Мария слушала ребят, плача от счастья. Она поверила им безоговорочно.

– Спасибо, ребята. Буду подавать на развод.

Не ожидая настолько кардинального решения семейной проблемы, оба пацана начали убеждать, что дядю Сережу тоже можно понять: колбасу-то со склада украли, а тут обновки у сына, вот он и подумал на Гришку. А отец всегда в доме нужен. Не стоит разводиться из-за недоразумения!

Через неделю после того, как Гриша отлежался, друзья встретились на чердаке.

– Отец поверил? – в третий раз уточнил Сашка.

– Теперь вроде бы да, а в первые дни грозился убить. Мать его приструнила. Сказала, что домой не пустит, если еще раз руку поднимет. А куда ему деваться? Скоро зима, по складам не побегаешь.

– Логично, – согласился Сашка.

– А ведь он нам с тобою по разу жизнь спас, – серьезно заметил Вовка. – Мы теперь по жизни перед ним в долгу.

– Ерунда. – Сашка взял со стола пирожок от Леонидовны, надкусил его. – Вы бы так же поступили.

– Это, конечно, так. – Вовка тоже взял пирожок. – Но на море мне тебя спасти было бы легче, а вот организовать алиби для Гришки – до этого я бы не додумался...

Всегда приходили друг другу на помощь ребята, выручали из дряг и потасовок.

Армия

Школьные годы пролетели быстро. В 1977 году пошли в армию. Служили во Владивостоке, но в разных родах войск.

Хуже всех было Саше – он был по жизни «не от мира сего». Витал в мечтах, читал, строил планы, и проблемы сооружения очередной генеральской дачи или коптильного цеха рыбсовхоза его не волновали. Призывная комиссия не особо разглядывала его аттестат и анкету, где было указано не только то, что он получил серебряную медаль, но еще знает три иностранных языка, включая китайский, оценила его физические данные как слабенькие. Поэтому отправила его в стройбат.

«Пирожку» Григорию было легче. Служа в ракетных войсках, он похудел и стал очень интересным юношей. Девочки млели, видя Гришу.

Но больше всех производил впечатление Владимир. Он вымахал под два метра, разворот его плеч и мускулатура впечатляли слабый пол и вызывали зависть у сильного. Служил он в морской пехоте. При любом удобном случае сбегал не домой к выпивающему отцу и уставшей от тяжелой жизни матери, а к друзьям. То в казарму к Сашку, который организовал обмен неучтенной копченой рыбы на продукты питания, водку и папиросы. То ехал в гарнизон к Грише, где ракетчики старательно экономили спирт, выделяемый для аппаратуры, и регулярно его пропивали.

Для компании Володя был кладом. Он, в отличие от Сашки и Гриши, так и не стал ни пить, ни курить.

Разъезд

В 1980 году ребятам исполнился двадцать один год.

Саша уехал учиться в Москву. С детства насмотревшись на работу отца и бабушки, он не захотел стать врачом и поступил в Институт иностранных языков.

Гришина мама, Мария Леонидовна, решила, что достойна большего, чем жить с пьяницей завхозом, хоть и военным. Она сама подала на развод и уехала вместе с сыном на свою родину в Минск. Там у нее жили мать и две сварливые сестрицы. Гришка не сопротивлялся – ему давно хотелось посмотреть на мир, а тут выпала такая возможность. В столице Белоруссии и с выбором образования, думал он, будет интереснее.

В семье Михайловых тоже произошли изменения. Галина Моисеевна решила, что пора Володьку, на которого засматривались даже ее ровесницы-подружки, женить. Выбором невесты занялась сама. Нашла-таки во Владивостоке еврейскую семью с дочкой на выданье. Девушку звали Ритой, а дома – Ривкой. Тоненькая, гибкая, невысокая – все в ней было миниатюрным и словно игрушечным. Надменно приподнятые брови, горделиво вздернутый подбородок вкупе с огромной гривой блестящих волос словно компенсировали ее хрупкость. Большие черные глаза сверкали из-под густой челки насмешливо и вызывающе. Разборчивая Ривка, знакомясь с Михайловыми, сначала внимательно оглядела самого Володю, смерила взглядом маму и особенно заострила свой взор на отце, Олеге Васильевиче. Несмотря на то что даже на смотрины он явился слегка подвыпившим, мужчина он был привлекательный. Значит, и Владимир с возрастом не потускнеет.

– Я согласна, – заявила Ривка, хотя предложения ей пока никто не делал.

Вовка против выбора матери не возражал. Видимо, сказывалась усталость от непрерывных отцовских пьянок, от безнадёги, связанной с тем, что папашу больше не повышали, от раздраженности матери, стыдящейся своей неудачной судьбы. Да и девушка была симпатична, вызывала интерес.

Через месяц состоялась свадьба, а через полгода Володя и Ривка улетели в Штаты вместе с семьей жены.

Ни на свадьбе, ни на проводах не было ни Гриши, ни Сашки. Лететь во Владик из Минска или Москвы было дорого и долго. Оба друга прислали поздравления.

В памяти троих друзей осталось детство: Тихий океан, накатывающий свои серые волны, потасовки со сверстниками, рыбалка и ловля трепангов, заигрывания с девочками, нелепая армия, полный моряков Владивосток и первая в жизни изжога.

Владимир

Крепкий и здоровый Володя ничего не боялся. Но неожиданно эмиграция стала для него тяжелым испытанием. Большой проблемой в первые дни было то, что приходилось жить в одной квартире с родителями Ривки. Через месяц им всем повезло – тестя по знакомству взяли на работу в крупный отель Нью-Йорка. Вместе с женой и тещей он переехал поближе к работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.